

Фотограф: Георгий Кардава
Стиль: София Бурнашева

Редакция «Ъ-Стиль»
благодарит «Гоголь-центр»
за помощь
в проведении съемки

— Когда мужчина становится более женственным, допускает эмоции, решает себе слезы. Наконец, он может одеться, как женщина.

— Я думаю, что все, что неестественно, — глупо, а все, что естественно, — никогда и ни в какие времена не глупо, независимо от того, подстраивается оно под какой-то тренд или нет. Если в мужчине присутствует какое-то количество артистической энергии, разве это плохо? Или если мужчина органична некая женственность? Мне кажется, главное — действовать в соответствии со своими желаниями и вкусом, а не в соответствии стрендами и тенденциями, идеологиями, вот и все.

— Недавно в Театре на Таганке состоялась премьера вашего спектакля «Теллурия» по Владимиру Сорокину. Когда я смотрела спектакль, у меня возникло ощущение, что их два: один на сцене, другой в зале. Реакция зрителей настолько разная. Вы осознанно манипулируете зрительской реакцией?

— Я прекрасно понимаю, что все, что я делаю, определенным образом воздействует на зрителя. Я не могу отказаться от того, что я делаю, — я ведь делаю это так, как мыслю и чувствую. Насколько в это включается удовольствие от того, что зритель будет воспринимать происходящее на сцене тем или иным предсказуемым образом? Не знаю, наверное, включается. Наверное, это забавно — видеть некую реакцию. Но в пер-

вую очередь я делаю то, что делаю, и как я дышу, так я и ставлю. В последнюю очередь я думаю о реакции зрителя или своей реакции. Это вопрос самосохранения: не страдать всякий раз по поводу какой-то реакции, а любую реакцию осознать как правильную, положительную и получать от нее удовольствие.

— Отнюдь не на все ваши спектакли публика так реагирует.

— «Теллурия» — это того разряда театр, который делается для себя. Я не претендую на то, чтобы этот театр поняли все или почти все. Я прекрасно понимаю, что «Теллурия» — театр, который многие сочтут литературным, многие — аскетичным, многие — эскизным, многие — вообще не пойми чем. Для меня это театр, который мне нравится, которым интересно заниматься и которым я иногда позволяю себе заниматься просто для того, чтобы двигаться в профессии. Потому что это именно тот театр, который двигает тебя в профессии, вообще двигает что-то, на мой взгляд, в театральном языке. Есть спектакли, которые эксплуатируют театральные языки, а есть спектакли, которые театральные языки двигают. Надеюсь, что «Теллурия» относится к последним. У меня есть целый ряд очень успешных спектаклей, которые всем нравятся и вызывают жаркие споры. Они на самом деле не более чем эксплуатируют театральный язык. Хотя тоже очень мне дороги.

— Что вы скажете о Сорокине?

— Это великий стилист, он удивительно работает с языком. Просто выдающийся человек. Могут нравиться или не нравиться его темы, но глупо говорить о темах. Сорокин, он весь про язык, чувство этого языка, понимание того, как работать со стилями, жанрами русской литературы. Для меня Сорокин — это классика.

— Критики и журналисты театральных изданий пишут сегодня об «эпохе Табакова» в МХТ. Чем, на ваш взгляд, она знаменательна для русского театра?

— Очень трудно оценивать издали и со стороны близкое и родное. Табаков и театр МХТ табаковской эпохи — это мой дом, в котором я многое сделал, в котором мы работали в тесном согласии, сотрудничестве и сочувствии с Олегом Павловичем, в котором у меня была своя, воспитанная мною команда актеров. Они переходили из спектакля в спектакль, и к ним прибавлялись новые. В этом театре Олег Павлович позволял мне осуществлять многие мечты и эксперименты. Это был для меня прекрасный дом. Сегодня у меня этого дома нет. И оценивать то, что было, с какой-либо точки зрения я сейчас вряд ли имею право. Потому что для меня это окрашено горем потери великого и очень родного мне человека. И горем потери собственно пространства и реализации творческих возможностей, идей и «мечт».

— Вы не думаете, что все еще возможно?

— Если бы у руководства театра было желание сохранить то, что возникло в нашем союзе с Олегом Павловичем, наверное, это было бы сделано. Бог с ним, я уважаю эстетический и политический выбор руководства театра, это зона ответственности нового руководства и ничья больше.

— Еще одна недавняя ваша работа — спектакль «Ай Фак. Трагедия». Идет он в башне «Меркурий» «Москва-Сити», и, по слухам, в марте будут последние показы. Есть ли разница между работой в репертуарном театре и продюсерском?

— Это вызов, я люблю такие неожиданные, глобальные вызовы. Сжатые сроки, сложность площадки, практическая невозможность сделать спектакль до выхода на эту площадку (возможно было только разрабатывать текст с актерами). Но это условия игры, ты просто принимаешь их или нет. Если принимаешь, значит, берешь на себя ответственность за то, что можешь в этих условиях сделать что-то интересное.

— Вы довольны тем, как все получилось в итоге?

— В целом да. Коммерчески «Ай Фак» также оправдывает себя неплохо.

— Константин Юрьевич, вы готовы руководить собственным театром?

— Я давно готов к своему театру. Но каким я его вижу и сделаю, разговор из разряда «бумажной архитектуры».

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ВИТВИЦКАЯ